

Н. С. Харина

**Социальная структура вотчин Тобольского
архиерейского дома на основе материала дозорных и
переписных книг XVII – начала XVIII в.**

Тема, избранная для данной работы, принадлежит к числу недостаточно изученных тем. Большинство исследователей ограничивались краткими очерками или же сообщениями об отдельных фактах и событиях на основе архивных документов. Особое положение занимают труды П.Н. Буцинского, которым были изучены многочисленные документы Сибирского приказа и опубликован ряд работ¹. Огромный труд в изучении переписных и дозорных книг Сибирского приказа внесли Н.Н. Оглоблин, Н.А. Найденов, которые составили и опубликовали описания столбцов и книг сибирского приказа². Значительно позже, данной исследовательской проблемой занимались Н.В. Горбань, А.А. Кондрашенков, М.М. Громыко, И.А. Булыгин, Н.Н. Покровский, Л.П. Шорохов, В.И. Шунков, Н.А. Балюк и другие историки³. Наиболее подробную целостную картину об общерусских чертах и местной специфики возникновения монастырского крестьянства в Западной Сибири представил В.И. Шунков⁴.

Цель данной статьи – проследить формирование социальной структуры вотчин Тобольского архиерейского дома, различных категорий крестьян;

Харина Наталья Сергеевна, аспирант Сургутского государственного университета.
Эл. почта: HaNaSe83@mail.ru

¹ *Буцинский П.Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.

² *Оглоблин Н.Н.* Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.). М., 1895–1900. Ч. 1–3; Тобольские материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885.

³ *Горбань Н.В.* Движение крестьян духовных вотчин Тобольской епархии в XVIII веке // Ученые записки. Омск, 1949; *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII веке. Новосибирск, 1965; *Булыгин И.А.* Монастырские крестьяне России в первой четверти XVIII века. М., 1977; *Тобольский архиерейский дом в XVII веке.* Новосибирск, 1994; *Шорохов Л.П.* Корпоративно-вотчинное землевладение и монастырские крестьяне в Сибири в XVII – XVIII веках (развитие феодальных отношений и их особенностей). Красноярск, 1983; *Он же.* Общерусские черты и местная специфика в возникновении и развитии церковно-корпоративного землевладения в Сибири в XVIII веке // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Новосибирск, 1981. Вып.1; *Балюк Н.А.* Тобольская деревня в конце XV–XIX в. Тюмень, 1997; *Она же.* Крестьянское хозяйство Зауралья в конце XVI–начале XIX в. Тюмень, 2001 и др.

⁴ *Шунков В.И.* Очерки по истории земледелия Сибири (XVII). М., 1956; *Он же.* Вопросы аграрной истории Сибири конец XVI – XVIII в. М., 1974.

сравнить социальную структуру архиерейских вотчин Тобольского архиерейского дома и вотчин крупных церковных собственников Европейской части России. Акцент необходимо сделать на том, что до сих пор в научной литературе нет комплексного исследования ни структуры корпоративной земельной собственности, ни многочисленного зависимого населения вотчин Тобольского архиерейского дома.

Переписные и дозорные книги Тобольского архиерейского дома XVII – начала XVIII в. позволяют проследить не только начальные этапы складывания земельных вотчин Тобольского архиерейского дома, не только способы аккумуляции пахотных земель, пустошей, сенокосов, угодий и рыбных ловель, не только методы хозяйствования, но и способы обеспечения вотчин рабочей силой и формирование социальной структуры¹.

Следует уточнить, что дозорные и переписные книги Сибирского приказа по своему значению и содержанию соответствовали «писцовым» и «переписным» книгам Московской Руси. Писцовых книг в московском смысле в Сибири не было, так как здесь не было земельного поместного владения. Термин «дозорные» стали использовать для обозначения тех книг, которые главным предметом своим имеют описание земель. Переписные книги содержат перечень населения, где данные о земле не играют первой роли².

Тобольская епархия к началу XVIII в. включала в себя территорию всей Тобольской губ., Акмолинскую обл., часть Томской губ. (Юдинская волость) и часть Семипалатинской обл.³ Тобольский архиерейский дом имел в своем распоряжении большое количество рабочих рук и значительные земельные угодья, озера, реки и леса. Все хозяйство духовных вотчин держалось на труде крестьян. К концу XVII в. насчитывалось 2 650 душ м. п. крестьян. К 1744 г. этот показатель вырос до 15 249 душ м. п.⁴.

Социальная структура духовных вотчин представляла довольно пеструю картину. В условиях огромной мобильности сельского населения Сибири Тобольский архиерейский дом принимает все условия для поселения на архиерейских землях гулящих людей, закрепляя их, лишая права перехода. Судя по материалам дозорных и переписных книг XVII – начала XVIII в., находящихся в фонде Сибирского приказа и в рукописном фонде ТГИАМЗ, в состав населения церковных и монастырских вотчин входили крестьяне-старожилы, бобыли, половники, «детеныши» работников, «трудники»,

срочные наемные работники, вкладчики и т. д. Помимо социального статуса работников, на основе дозорных и переписных книг можно проследить, с какой территории шел приток крестьянства в Сибирь, какими промыслами и ремеслами занималось крестьянство до прихода на архиерейские вотчины, где расселялись крестьяне, на какие работы, промыслы и ремесла были назначены¹. Можно сделать вывод, что крестьянство вотчин Тобольского архиерейского дома формировалось в основном за счет различных категорий беглых и гулящих людей, а так же черносошных крестьян Поморья. Наибольший приток населения приходился на территорию Устьицынской вотчины, которая развивалась динамичнее всех. Охотно принимались пришедшие и беглые. Если находился старый владелец, то штрафные деньги должен был платить сам крестьянин².

Довольно любопытные данные содержит переписная книга письменного головы Кирилла Дохтурова (1702 г.)³. Она составлена на основе переписных книг за предыдущие годы. Сведения данной книги включают в себя год прихода на архиерейские вотчины, перечень всех имеющихся у крестьянина детей мужского пола и информацию об уплате оброка.

Например, «Ивашко Тюрин сказался Ивановского села работной человек, а пришел он де в Сибирь в Тобольск с Устюга Великого из государевой с Печерской волости, а в государевой Печерской волости ходил по миру и кормился христовым именем, а от отца своего остался мал, а в Софийский дом пришел он при Нектарие архиепископе»⁴.

Четкое разделение между многими группами зависимого населения сложно сделать, так как в архивных источниках нет полной достоверной информации. Также необходимо учитывать, что ввиду государственных мер, направленных на ограничение роста церковного и монастырского землевладения, истинные сведения о численности и категории населения вотчин умышленно утаивались. Ко всему прочему наблюдается несовпадение методов описания и принципов фиксации.

На основе дозорных и переписных книг Тобольского архиерейского дома XVII – начала XVIII в. можно предположить, что определяющую роль в развитии хозяйства сыграли вкладчики, среди которых были гулящие, посадские, служилые и торговые люди. В качестве вкладчиков они приходили на церковные и монастырские земли, в надежде на спокойную старость, при этом вносили материальный вклад в монастырскую казну. Взяв на себя определенные обязательства, вкладчик получал

¹ РГАДА. Ф. 214 (1594–1780 гг.); ТГИАМЗ. Фонд рукописей. Кн. 12533; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2.; ГАТюМО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 2071.

² *Оглоблин Н.Н.* Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592–1768гг.). М., 1895. Ч. 1. С. 49–50.

³ Тобольская епархия. Ч. 2. От. 1. Архипастыри Тобольской и Сибирской епархии. Омск, 1892. С. 1–5.

⁴ *Громыко М.М.* Западная Сибирь в XVIII веке. С. 222–228.

¹ *Горбань Н.В.* Движение крестьян... С. 85–89; РГАДА. Ф. 214 (1594–1780 гг.). Кн. 3, 7, 70, 74, 173, 403, 434, 806, 926, 1086, 1159, 1350 и др., ст. 5, 13, 16, 56, 119, 136, 911, 1066 и др.; ТГИАМЗ. Фонд рукописей. Кн. 12533; ГАСО Ф. 6. Оп. 2; ГАТюМО. Ф. 47, Оп.1. Д. 2071.

² *Балюк Н.А.* Тобольская деревня... С. 43.

³ ТГИАМЗ. Фонд рукописей. Кн. 12533.

⁴ Там же. Л. 5.

«вспоможение» деньгами, скотом, хлебом и др. Могли крестьяне и наниматься на монастырскую пашню, в этом случае предоставлялись льготы и подмога. Льготный срок колебался от 8 до 20 лет. Запись подрядившихся хранилась в монастырской казне¹. Сохранившиеся в фонде Сибирского приказа выписи из приходных книг 1653–1654 гг. содержат несколько записей, где дано подробное описание условий найма в монастырских вотчинах с перечислением всех видов предполагаемых сельскохозяйственных работ. В качестве ссуды поступающим в наем полагалось по 2 кобылы, «двухгодовалая нетель» и «жеребенок нынешний». По окончании найма работникам полагался каждый пятый сноп от выращенного урожая. В случае падежа лошади в процессе работ монастырь по условиям найма обязан был дать «иную кобылу, чтоб в пашни не отстать». В течение всего срока найма монастырь обеспечивал безопасность наемных работников («... а кто нас станет со стороны изобижать и ему строителю за нас стоять и в обиду не давать...») и снабжал орудиями труда². Подрядившиеся были обязаны поставить двор, избу, овин, клеть, огородить покотины и вносить поборы. Нередко условия поручных записей являлись актом бессрочного прикрепления крестьян к монастырскому тяглу. Была также категория крестьян – закладчики, которые платили от 50 копеек до 1 рубля и были освобождены от казенных податей и повинностей. Еще в конце 1639 года Туринские посадские и пашенные крестьяне били челом государю «...что в Туринском остроге и Туринском уезде живут на государевой земле архиепископские вкладчики – 6 человек с женами и детьми; пашут на себя, косят сено, а государевых людей теснят и со своих дворов и пашен денежного оброку и выдельного хлеба в государеву казну не платят...». В Тобольске таких закладчиков числилось 14 человек. Ввиду острой нехватки рабочих рук применялась покупка людей. В основном это были калмыки, как свидетельствует выпись из приходных книг. Использовались они чаще всего на конюшенном и скотном дворах³.

Основной рабочей силой являлись пашенные и оброчные крестьяне. К монастырским пашенным крестьянам близки половники. Это пришлые в Сибирь люди, осевшие на монастырской пашне. Им отводили землю, выдавали скот, сошники, косы, серпы, посевное зерно. Половник обязался хлеб «упахать» на монастырской земле, вернуть семенной материал, а остальную часть урожая разделить с Тобольским

¹ РГАДА. Ф. 214 (1594–1780 гг.) Кн. 3, 7, 70, 74, 173, 403, 434, 806, 926, 1086, 1159, 1350 и т. д., Ст. 5, 13, 16, 56, 119, 136, 911, 1066 и др.; ТГИАМЗ. Фонд рукописей. Кн. 12533; ГАСО. Ф. 6. Оп. 2;

² Балюк Н.А. Тобольская деревня... С. 114, 226.

³ РГАДА. Ф. 214 (1594–1780 гг.) Кн. 3, 7, 70, 74, 173, 403, 434, 806, 926, 1086, 1159, 1350 и др., Ст. 5, 13, 16, 56, 119, 136, 911, 1066 и др.

архиерейским домом пополам. Еще одна категория крестьян – бобыли. Бобылями называли людей не имеющих хозяйства; чаще всего их относят к зависимым от церковного хозяйства. Характер выполнения ими повинностей в пользу церковных крепостников делит их на две группы: выполняющие сельскохозяйственные работы (что сближает их с половниками) и обслуживающие монастырские конюшни, поварни и т. п. (близки к работным людям; позднее этот контингент получил название дворовых). Были также работные люди, которые чаще упоминались при самом архиерейском доме, скотных дворах и мельницах. Очень близки к работным людям по своему положению были «трудники». В зависимости от их рода деятельности работных людей следует разделить на две большие группы: к первой относились лица, занятые в сфере обслуживания, ко второй – производители материальных ценностей. Первая группа состоит из занимающихся приготовлением пищи, напитков, хранением посуды (чашники, погребщики, хлебники, пивовары, солодовники и т. д.), обслуживающих помещения (келейники, истопники и т. д.), работающих на конюшнях, занимающихся обработкой земли и рыбных ловель, несущих службу на мельницах. Вторая группа включает иконописцев, каменщиков, печников, кузнецов, плотников, оконщиков, серебряников, медников, бочаров, портных, кожевников, шорников и т. д. Документы показывают более шестидесяти специальностей, так или иначе задействованных в хозяйстве архиерейских вотчин. Также в вотчинах Тобольского архиерейского дома имелись «монастырские детеныши». Их использовали как на сельскохозяйственных работах, так и на других. В их состав входили либо лица, с детства попавшие на иждивение монастырей, либо часть работников, привлеченных в монастырь по найму¹.

В XVII в. митрополичьи и монастырские крестьяне несли три формы феодальной ренты: натуральную – «пятинный хлеб», отработочную и денежную. «Пятинный хлеб» указывается в качестве важнейшей крестьянской повинности в документах Тобольского архиерейского дома. Отработочная рента отличалась неопределенностью, что усугубляло положение крестьян. Ее размеры намеренно не регламентировались, чтобы затем привлечь крестьян к дополнительным «зделям», используя многократную систему обложения. Денежная рента предполагала взимание с крестьян различных выплат за услуги, например, помольные деньги за пользование мельницей². Для многих крестьян выполнение всех видов ренты сочеталось с выплатами и отработками за семена, лошадей, сельскохозяйственные орудия, полученные в ссуду. Например, за взятую на семена

¹ Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII веке; ГАТ. Ф. 156. Оп. 2. Д. 400. Л. 6.

² Горбань Н.В. Движение крестьян... С. 89; Семевский В.И. Крестьяне духовных вотчин во второй половине XVII века // Русская мысль. Кн. 9–10. С. 5.

четверть ячменя крестьянин должен был со своим конем проработать на архиерейской вотчине. Такая работа стоила 4 копейки в день. Всего натурального оброка составлял с хозяйства 4 рубля 12,5 копеек¹.

В XVIII в. прибавился ряд государственных повинностей и денежных оборотов. Тобольский митрополит Антоний 4 марта 1722 г., в доношении Святейшему Синоду указывал на следующие сборы с церковных вотчин в Тобольской епархии: «...подлежит собирать по указам повсягодные сборы: из Военного Приказу драгунских по 16 алтын и 4 деньги со двора, ямских по 2 алтына. Из Монастырского Приказу на корм драгунских лошадей, на подъем каменщиков и кирпичников по три алтына, 2 деньги и на дачу драгунам по 11 алтын и по 4 деньги. Из Военного Приказу поворотных по 8 алтын 2 деньги, седельных и удельных по 2½ деньги. Из Земского Приказу рекрутных по 2 алтына. Из Адмиралтейского Приказу на починку кораблей по 4 алтына 1 деньге. Из Ямского Приказу подвозных по 3 алтына 2 деньги. Из канцелярии Сената в Санкт-Петербурге на мясоедные дни в положенные пять полков драгунам и солдатам против расположения на дворовое число по 2 алтына по полшести деньги с пол полденьгою; и доходы ко флоту по 2 алтына по полпята деньги. Из Государственной Камер-коллегии лондратских по 3 алтына 2 деньги, за хлеб по настоящей средней цене по 1 алтыну, за стрелецкой хлеб по 6 алтын. По определению бывшего губернского князя Гагарина на дело судов в Тобольску по 3 алтына 2 деньги»².

Историки следующим образом описывают правовое положение крестьян духовных вотчин. Духовные власти имели право: собирать оброки с крестьян, употреблять их в услужение и посылки, назначать на работы при архиерейском и монастырском домах и деревнях, отпускать на время мужчин для прокормления и переводить крестьян из деревни в деревню. Таким образом, крестьяне духовных вотчин не являлись крепостными, а были прикреплены к земле. Митрополичьи крестьяне платили также денежные сборы: деньги драгунские, ямщицкие, седельные и удельные, но были освобождены от большинства государственных повинностей, в том числе поставлять в казну хлеб. Но так как церковные власти могли их переводить из одной вотчины в другую, то, следовательно, не было и прикрепления к земле. Их крепостником являлся архиерейский дом.

На основе данных дозорных и переписных книг XVII – начала XVIII в. можно сделать вывод, что все хозяйство вотчин Тобольского архиерейского дома держалось на эксплуатации крестьянства, отбывавшего барщину и вносившего денежные и натуральные оброки. По

характеру, формам эксплуатации феодально-зависимого населения и социальной структуре вотчины Тобольского архиерейского дома мало отличались от церковных вотчин Европейской России. Но, не стоит забывать местную специфику возникновения монастырского крестьянства в Западной Сибири. Западная Сибирь отличалась от Европейской России тем, что в ней не были развиты феодальный гнет и крепостнические отношения. Для закрепления рабочей силы использовались такие меры экономического характера, как предоставление помощи деньгами, хлебом, инвентарем, скотом. Не было обременительной десятинной пашни.

Численность церковно-монастырских крестьян в тобольских вотчинах примерно соответствует среднему для страны уровню. Тобольский архиерейский дом уступал таким крупнейшим вотчинникам, как Кирилло-Белозерский, Троице-Сергиевский монастыри, но превосходил Архангельский, Устюжский и Воронежский архиерейские дома. Социальная структура вотчин Тобольского архиерейского дома в XVII – начале XVIII в. не оставалась неизменной, развивалась и совершенствовалась соразмерно требованиям своего времени, практически не отличаясь от центральной полосы России.

¹ Горбань Н.В. Движение крестьян... С. 179–182.

² Горчаков М. Монастырский приказ. СПб., 1868. С. 67–69.; Балюк Н.А. Крестьянское хозяйство... С. 46–48, 52, 94–95.